

«Женитьба Бальзамина»

смогла научить разговаривать двух попугайчиков и собаку. (Не удивляйтесь, когда услышите от этой собаки: «Мама!».) А один из попугайчиков, в свою очередь, учил меня. Он садился мне на плечо, когда я брился, и заявлял: «Ну что ты все бегаешь? Пойди поспи!». И заразительно хохотал. Причем так, как ни один актер на сцене не сможет рассмеяться.

— **Георгий Михайлович, вам безразлично, кто ваши зрители?**

— Обязательно надо понимать, с кем ты собираешься общаться. Я всегда смотрел в дырочку занавеса, перед тем как выйти на сцену. Надо знать, для кого ты сегодня играешь. И важно угодить всем, кто в зале, а там иногда бывает, особенно в праздники, половина полунинтеллигентов, половина алкашей. Поэтому надо подвести себя к средней норме... игры.

— **Семь раз вы сыграли Труса. А кто он такой, этот Трус?**

— Ну, как сказать... Я знаю, что это вот такой человек, который должен поступать так-то и так-то. По актерскому амплуа он мне очень близок, я про него все знаю. Он нежный, по-своему поэт. Он не вяжется в этой шайке с другими. Для меня не было мучений его придумать, я как-то сразу его почувствовал и часто во время съемок импровизировал. Например, помните, в «Кавказской пленнице...», когда мною вышибают дверь и я улетаю в окно? Я добавил один штрих — он летит и кричит: «Поберегись!». Или еще одна импровизация — когда я бегу за Варлей и пугаюсь упавшего с нее платка. А когда Моргунову делали укол, я предложил, чтобы шприц остался в его ягодице и размеренно покачивался. Но самой любимой моей находкой стал эпизод, когда Трус, Балбес и Бывалый решили стоять насмерть перед автомобилем «пленницами» и Трус, зажатый товарищами, бьется в конвульсиях. С Леонидом Гайдаем работать было очень легко и приятно: он любил актеров и с удовольствием принимал их остроумные находки.

— **А как вам работалось с Константином Воиновым в «Женитьбе Бальзамина»?**

— Очень хорошо и дружно. Мы с Воиновым были друзьями с юности, со студии Хмелева. И позже, когда он стал режиссером и задумал экранизировать «Женитьбу Бальзамина», он сказал, что Мишу буду играть я. Но съем-

семь. Но для меня это было не впервой, я зритель и раньше с успехом обманывал: в «Запасном игроке» мне было тридцать шесть. Надо было перед съемками расстрясти свои жиры, чем я и занимался целый месяц на футбольном поле в Сухуми.

— **Вы многое дали зрителям. А что получили?**

— Ну, зарплата у актера небольшая... Ах, вы не про это? Про удовольствие? Конечно! Я без удовольствия не должен выходить ни на сцену, ни на экран. Поэтому и увлекся комедией. Все, что я готовлю, проверяю сначала на себе. Я раздваиваюсь. Читаю, проверяю: или смеюсь как зритель, или не смеюсь — тогда переделываю.

— **А драму вы не любите?**

— Драму я люблю. Ту, которая у Зоценко, трагикомическую. А остальное мне не нравится. Да это и вредно, особенно в наше время. У каждого была какая-то душевная травма: кто-то в семье ушел из жизни, кто-то болен... С другой стороны, и мне это не хотелось бы бередить и пользоваться собственным грустным багажом. Смеяться — это естественная потребность человека... нормально. А отсутствие чувства юмора — это болезнь... ненормально.

— **Вы сами человек нестандартный, с собственной философией, взглядами на жизнь, на общество. Как вам удавалось спокойно жить в нашей стране с таким оригинальным мировоззрением?**

— Так нельзя же все принимать всерьез. Даже жизнь... В годы моей озорной театральной юности один пожилой актер, утомленный жизнью и трагическими ролями, глядя на мои ужимки и прыжки, мрачно, с некоторым пафосом, произнес: «Обезьянка... Дурачок... Шут гороховый!».

Сергей Капков

Фото Виктора Горячева и из архива Георгия Вицина Шарж Игоря Лососинова

В роли Ильи Репина («Василий Суриков»)

«Что ни говорите, а юбилей — дело серьезное»

ки волею судеб были отложены на десять лет. На этот раз ни о каком моем участии не было и речи. Но Воинов предложил: «Ну, попробуй сделать грим, посмотрим...». Я попробовал, приложив все свои живописные способности, и режиссер был просто поражен моим художеством. Я очень хитро поступил: там, где находил морщинки, прикрывал их веснушками. В общем, дорогих зрителей, извините, я обманул лет на двадцать. А было мне тогда сорок во-

С дочерью Натальей

